

Алексей РЯСКИН*г. Воронеж*

Прямо за лесом, у реки, стояла старая верба. Большая, с некрасивой, потрескавшейся от времени корой, с кривыми, засохшими ветками и бугрящимися из-под земли уродливыми корнями. Птицы, прежде любившие посидеть на ветках вербы и спеть ей свою песню, теперь облетали её стороной. Звери, так часто прятавшиеся в ее тени от полуденного зноя, теперь пробегали мимо, даже не оборачиваясь в ее сторону. Даже вечно молодой и веселый ветер старался не касаться ее постаревшего, покрывшегося сухой коркой тела, когда на закате играл со стрекозами. Все реже качались ее длинные ветки. Все реже просыпалась она, с трудом расправляя листья на рассвете. Верба знала, что конец ее уже близок.

Напротив старой вербы стоял небольшой домик с красивой желтой дверью и большой медной трубой на крыше. В доме жил маленький Ямо со своей бабушкой Старой Кхе и старым рыжим котом Эджо.

Каждое утро Старая Кхе выходила во двор и пела Песнь Своей Жизни, глядя в небо. Еще маленькой девочкой начала петь она эту Песнь одним ранним весенним утром. С тех пор прошло много-много лет, но Песнь ее продолжалась, и Старая Кхе еще ни разу не спела ее так, как пе-

ла прежде. Всякий раз Песня менялась. Терялось что-то старое, вчерашнее, и на его месте появлялось что-то новое. Старая Кхе знала, что жизнь ее будет длиться до тех пор, пока она не споет дважды одну и ту же Песнь. Вот и сегодня она пела, глядя в небо. Она не думала, повторяется ли ее Песня или нет. Кхе знала, что, глядя в небо, невозможно думать ни о чём, кроме неба. Допев песню, она вернулась в дом, разбудила маленького Ямо, и они, взяв ведра, пошли к роднику. Рыжий Эджо тоже вышел на крыльцо, лениво потянулся и посмотрел вслед Ямо и Кхе.

— Просыпайся, мир! Просыпайся, мир! — громко запел сидевший на ветках смородины жаворонок и замахал крыльями.

— По-твоему, чем громче ты будешь петь, тем быстрее мир проснется? — сонно спросил Эджо, посмотрев на жаворонка.

— Новый день пришел! Встречайте новый день! — снова запел жаворонок, не обращая внимания на кота.

Эджо почесал за ухом, лег на ступеньки и томно потянулся.

— А какой сегодня день?

— Среда, — ответил жаворонок. — Лучший день недели!

Кот зевнул и тихо сказал:

— Среда — это просто название дня. Вот и все. Ни больше ни меньше.

— Среда — середина недели! — не согласился жаворонок.

— Все зависит от того, какой день считать первым.

Сказав это, Эджо еще раз зевнул, закрыл глаза и задремал. А жаворонок, увидев, что кот уснул, решил спеть кому-нибудь еще. Он сделал пару кругов над домом и улетел.

Старая Кхе шла к роднику на опушке леса. Она едва заметно прихрамывала, и от этого ее походка казалась еще более плавной. Ямо шел рядом, держа в руках пустые ведра. Солнце поднималось все выше, и в воздухе уже носились стаи диких пчел.

— Бабушка, а ты когда-нибудь была маленькой? — спросил Ямо.

— Была, — ответила Старая Кхе, — только это было очень давно. Так давно, что временами я забываю об этом. Тогда мое сердце будто инеем покрывается и мне становится холодно. И все, к чему ни притронусь, мне кажется холодным. А потом вспомню, что была маленькой и что меня тоже когда-то моя бабушка по утрам будила, и сердце оттаивает. И становится тепло.

— А почему ты не осталась маленькой? Почему ты стала старая?

— Почему? — задумалась Кхе. — Наверное, потому, что каждое утро солнце дарило мне свои лучи и я прятала их в своем сердце. Каждую ночь, когда я спала, на мою кровать падала звезда, и я видела ее во сне, а наутро просыпалась с улыбкой. Еще потому, что птицы пели мне свои песни, а я слушала их. Потому что любила реку, свой дом и весь этот мир.

Ямо слушал ее и смотрел на дорогу. Он понимал не все из того, что говорила ему Кхе, но в ее словах было что-то больше слов. И Ямо чувствовал это.

— Я тоже люблю реку, — сказал он, когда старуха умолкла, — и наш дом. Значит, когда-нибудь я стану таким же старым, как и ты?

— Только если сам этого захочешь, — улыбнулась старуха внуку.

— А ты хотела?

Кхе задумалась.

— Да, — сказала она. — Просто я не сразу это поняла.

Вскоре показался кустарник дикого крыжовника. За ним находился родник. Кхе и Ямо встали на коленки и стали зачерпывать воду небольшими деревянными кружками. Набрав по половине ведра, они отложили кружки и присели на траву у родника.

— Отдохни, выпей воды, и пойдем домой, — сказала старуха, вытирая косынкой лицо.

Ямо зачерпнул кружку воды и сделал пару глотков. Вода была холодной и вкусной. Ямо поднес кружку к своему носу и сделал глубокий вдох.

— Чем пахнет вода, Ямо? — спросила Кхе, глядя на внука.

Тот посмотрел на нее, но ничего не ответил. Вода пахла чем-то таким, чему он еще не знал названия. Он вдыхал ее аромат, и в этот момент ему казалось, что на всем свете нет других запахов, кроме этого.

— Не знаю, — сказал он наконец.

— А ты скажи что первое в голову придет. Просто вдохни и скажи.

Ямо послушно кивнул и снова поднес кружку к носу.

— Ну, так чем? — улыбаясь, спросила старуха.

— Ветром, — ответил Ямо.

— Правильно! Вдохни еще раз. А теперь?

— Дождем.

— Еще раз. Чем?

— Звездами.

Старуха довольно улыбнулась и погладила внука по голове.

— А ты? Попробуй ты! — протянул ей кружку Ямо.

Кхе послушно взяла кружку и сделала глубокий вдох.

— Пахнет сыростью. И еще болотом, — сказала она, глядя в кружку.

Затем она встала, вылила воду из кружки и взяла ведро. Ямо взял другое.

— Пойдем, — сказала Кхе, — у нас еще много дел.

Они не спеша пошли домой.

Солнце теперь пекло всюю. Всюду носились бабочки и стрекозы, весело жужжа о чем-то своем. В траве бегали маленькие зеленые ящерки, причудливо извиваясь телами, гонялись за кузнечиками. Воздух был пропитан добром и запахами цветущего клевера, и казалось, что ничего

другого, кроме этого, в мире нет и быть не может.

— Бабушка, — сказал Ямо, — а тебе снятся страшные сны?

Кхе взяла ведро в другую руку и посмотрела на внука.

— Нет. Не снятся. А когда была маленькой, часто снились.

Ямо помолчал. Потом снова заговорил.

— Мне сегодня приснился страшный сон. Как будто была сильная гроза, а я стоял перед нашим домом, шел к нему и все никак не мог пройти. Ветер ревел, и небо было черное-черное. А потом вдруг ударила молния и попала в нашу старую вербу. Я так испугался, что упал на землю и закрыл лицо руками. Когда буря утихла, я поднял голову и увидел, что верба переломлена ударом молнии и валяется перед домом. А на ее месте остался небольшой пенек, наверху которого я увидел маленький зеленый росток. Я проснулся среди ночи, мне было страшно. Потом снова уснул и до утра уже ничего не видел во сне.

Старая Кхе слушала его не перебивая.

— Это просто сон, — сказала она, не глядя на внука. — Не бойся снов. У них нет запаха, и поэтому они безжизненны.

В первый раз Старая Кхе говорила внуку то, во что сама не верила.

Придя домой, они поставили воду на крыльце и Старая Кхе начала готовить обед. А Ямо взял свою удочку, пустую банку и пошел на реку. Рыжий Эджо весело бежал рядом с ним, то и дело касаясь его босых ног своим хвостом. Придя к реке, Ямо выбрал подходящее место среди камышей, закинул удочку и стал ждать. Каждый день он приходил к этой реке, и каждый день река делилась с ним своими богатствами. Эджо устроился рядом и стал дремать. Через час банка была наполовину заполнена мелкой рыбешкой, и Ямо начал собираться домой. Конечно, ему хотелось посидеть еще на берегу этой прекрасной доброй реки. Но он помнил о том, что сегодня им с бабушкой еще нужно прополоть тыкву и полить молодые яблони. Поэтому надо было возвращаться.

Он весело шагал по дороге, насвистывая и играя с Эджо, как вдруг увидел, что рядом с дорогой на большом камне сидит какая-то девочка и тихо поет. Она была очень красивой, с длинными волосами цвета молодой крапивы и блестя-

щими, словно утренняя роса, глазами. Девочка улыбалась, хотя никого рядом не было.

— Ты кто? — спросил Ямо, подойдя к ней.

— Я Ули, — все так же улыбаясь, сказала она. — А ты кто?

— А я Ямо. Я ловил рыбу, — сказал Ямо и тоже улыбнулся. — А это Эджо. И дома нас ждет бабушка.

— Как здорово, — сказала Ули. — Ты очень счастливый, Ямо. И ты, Эджо. У вас есть бабушка, которая вас ждет. А у меня никого нет.

— Тогда пойдем с нами! — весело сказал Ямо. — Бабушка будет очень рада!

— Пойдем! — сказал и молчавший до этого Эджо.

— Идемте! — просто сказала Ули и спрыгнула с камня.

И они втроем зашагали к дому. Ули пела, а Ямо и Эджо слушали, и им казалось, что ее голос — это голос самого лета и что он будет звучать вечно.

Когда они подошли к дому, Ямо увидел, что бабушка сидит на скамейке у крыльца, а рядом с ней стоят две тарелки с кашей. Увидев приближающегося внука, Старая Кхе помахала ему рукой.

— Ямо! — позвала она. — Идите с Эджо сюда, ваша каша стынет!

— Бабушка, — весело сказал Ямо, подбегая к ней, — посмотри, кого я встретил по дороге. Это Ули. Она сидела на камне и пела.

— Здравствуйте, бабушка, — сказала подошедшая к этому моменту Ули.

— Здравствуй, — улыбнулась Старая Кхе, — прости, что не приготовила тарелку для тебя. Я ведь чувствовала, что сегодня Ямо вернется не один. Но не приготовила. Нездоровится мне что-то.

— Ничего-ничего, — поспешила успокоить ее Ули, — я не голодна. Вы отдохайте.

— Там, на плите, стоит чугунок с кашей, я сейчас тебе тоже положу, — сказала Кхе и закашлялась.

— Вы отдохайте, — повторила Ули, — я сама.

— Нет, — сказала старуха, — пусть лучше Ямо пойдет. Сходи, Ямо.

Ямо послушно кивнул и скрылся в доме.

Старая Кхе ласково посмотрела ему вслед. Затем повернулась к Ули.

— Он такой хороший, мой Ямо. Правда ведь?
— спросила она.

— Правда.

Кхе пристально посмотрела прямо в зеленые глаза Ули.

— Я знаю, ты здесь не случайно.

Ули едва заметно кивнула и молча села рядом со старухой.

— Кто ты?— спросила Кхе.

Ули грустно улыбнулась и снова ничего не ответила. Ее волосы цвета весенней листвы весело трепетали от ласковых прикосновений ветра, то поднимаясь, то снова падая на плечи. Кхе долго смотрела на них, затем повернулась к реке. Она помнила, что когда-то ветер так же играл и с ее волосами. Теперь же они неподвижно лежали под туго перетянутой косынкой, словно сухая трава в сентябре.

— Молодость... — чуть слышно прошептала Кхе.

Ули вновь ответила улыбкой, и их взгляды встретились.

— Но почему именно сегодня? Почему не вчера и не завтра? Почему сегодня?

Ули пожала плечами.

— Наверное, потому, что вам больше не о чем петь.

— Да, — грустно сказала Кхе, — глупо слушать дважды одну и ту же песню. Это скучно.

— А мир не может быть скучным.

— Не может.

Ули ласково взяла старуху за руку.

— С Ямо теперь будет всё в порядке, — тихо сказала она.

Кхе подняла голову.

— Он будет счастлив? — спросила она.

— Он уже счастлив.

Кхе улыбнулась и закрыла глаза.

Когда Ямо вернулся с кашей, Эджо уже доедал свою.

— Ули, вот твоя тарелка.

— Спасибо тебе, Ямо.

Он осмотрелся.

— А где бабушка?

Ули села на скамейку и погладила Эджо.

— Бабушка ушла, — тихо сказала она.

— Куда ушла?

— Она ушла к роднику.

— Зачем? — спросил Ямо, садясь рядом с Ули.

— Она сказала, что хочет отыскать в запахе родниковой воды запах ветра и дождя, так, как отыскал его ты сегодня утром.

Ямо улыбнулся и начал есть кашу.

— А скоро она вернется?

Ули пожала плечами.

— Я думаю, как только найдет, что ищет. А пока с тобой буду я.

Ямо посмотрел на Ули.

— Вот здорово! — сказал он. — Мне так радостно! Мне легко. И хочется прыгать. Отчего так? Я и сам не знаю!

— Просто ты счастлив, — сказала Ули.

И, повернувшись к старой вербе, она тихонько запела. Ямо перестал есть и стал слушать песню Ули.

Эджо лежал рядом с ними и смотрел на ветку смородины, на которой утром сидел жаворонок.

□

Алексей Александрович РЯСКИН

родился в Воронеже в 1984 г.

Окончил Воронежскую государственную лесотехническую академию.

В данный момент работает инженером-конструктором на одном из воронежских предприятий.

Пишет стихи, прозу. Занимается музыкой, пишет песни.

Печатался в литературных журналах «Подъем» и «Губернский стиль», на страницах сборников «Первая веха» и «Поэтех», в газетах «МОЕ» и «Коммуна».

Автор книг «Сказки Одной Недели» (2009), «Солнце за пазухой» (2010).

Лауреат конкурса «Северная звезда».

В журнале «Север» публикуется впервые.

